

Политическая ситуация в России и ее влияние на развитие федерализма

Уже на рубеже 80-90-х годов XX века все российское (а в тот период еще, фактически, советское) общество вступило в период глубокой трансформации. В значительной степени этот процесс затронул и сферу политики. Причина этого заключалась в специфике политической системы России, которая, в свою очередь, определялась особенностями исторического развития страны.

Одной из наиболее важных среди них является такая особенность, как развитие России через так называемые культурные катастрофы.

Известно, что каждая цивилизация переживает моменты культурных кризисов. Они представляют собой естественный этап в развитии культурной системы. Содержание культурного кризиса заключается в постепенном замещении элементов одной культурной системы элементами другой. Он сопровождается напряжением ментального поля, не переходя в сферу политических и экономических взаимоотношений социальных групп и слоев.

Культурная же катастрофа отличается иными характерными признаками. Это насильственно проводимое политической элитой комплексное замещение одной культурной системы качественно иной, в историческом плане осуществляемое одномоментно. Подобный процесс сопровождается резкими потрясениями социума, множественными социальными конфликтами вплоть до гражданской войны (1). К культурным катастрофам можно, на наш взгляд, отнести и те реформы, которые проводились по инициативе М.С. Горбачева, а затем Б.Н. Ельцина.

В сущности, они представляли собой попытку вестернизировать Россию, то есть заменить ее матричную культуру западной моделью. Однако вестернизация в России приняла весьма своеобразную форму. Российская элита попыталась соединить принципиально несоединимые социальные параметры - индустриальные технологии и несвободного работника, в то время как высокие технологии требуют все большей свободы производящего индивида.

Анализируя результаты проведенных при М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине преобразований и происшедшей в результате их трансформации, можно констатировать, что политическая система Рос-

сии, при всех очевидных изменениях, сумела сохранить в себе черты как политической системы Запада, так и, в большей мере, политической системы Востока, не сливаясь ни с первой, ни со второй. Специфику основных компонентов российской политической системы после распада Советского Союза можно определить следующим образом:

- институциональный блок: очаговый характер гражданского общества, доминирование государства, а внутри него - исполнительной власти и силовых структур;
- нормативный блок: декларативный характер законов, отсутствие законопослушания, двойственность политической морали; функциональный блок: авторитарный политический режим.

Очаговый характер гражданского общества означает, что его структуры неустойчивы, взаимосвязи между ними слабы или вовсе отсутствуют, а влияние на власти с их стороны непрочное, ситуативное. Примером в этом отношении могут служить партии, которые начали образовываться в России в период реформ с невероятной быстротой и в огромном количестве, но затем бесследно исчезли с политического пространства.

Российские партии приобрели, как правило, элитный характер, представляя интересы не широких социальных слоев (интересы эти пока не отдифференцированы и у них нет мощного социального носителя - количественно преобладающего среднего класса), а достаточно узких группировок экономического характера или личные взгляды группы интеллектуалов. В лучшем случае, российскими политическими партиями реализуется профессиональное социальное представительство.

В результате на протяжении последних лет непрерывно увеличивалась самоизоляция политических партий от электората, так как поддержка его носила спонтанный и нестабильный характер. Причина этого вполне очевидна. Электорат, не имеющий четкого представления о своих правах и способах их защиты, связывает свои стремления к лучшей жизни то с одной, то с другой партией по принципу «где больше дадут». В этих условиях руководство партий предпочитало и предпочитает ориентироваться на узкий круг политически и экономически могущественных людей - спонсоров. Равным образом и последние нуждаются в партийной поддержке для обретения политического влияния или государственного поста. Но поскольку электорат в условиях появившейся реальной выборности органов власти все же необходим, то его поддержка завоевывалась и завоевывается популистскими обещаниями и броскими предвыборными разоблачениями соперников.

Следствием несформированности социальной базы партий явился и тот факт, что партийная пропаганда лишь в редких случаях была адресной, в основном же это были обещания «всего для всех». Среди политических партий России сформировалось мало так называемых «партий центра», поскольку мал удельный вес их социального носителя - среднего класса. В силу этого политическая борьба в России в посткоммунистический период основывается на противостоянии левых и правых и принимает относительно жесткие формы. В ситуации, когда редкий российский политик обладает солидной социальной базой среди населения, его политическое влияние и положение в значительной мере зависит от способности к аппаратной интриге или места в окружении реально-властного лица. Все вышеназванные особенности были усугублены характерной для посткоммунистической России глубочайшей социальной дифференциацией. Фактически, произошел раскол нации, принесший взаимное непонимание, непредсказуемость и боязнь народа и элиты. Реформы Горбачева - Ельцина, особенно их цели (вестернизация), не были до конца понятны большинству населения. Отсюда и недоверие, а иногда и неприятие - как преобладающая эмоция российских граждан в отношении властей.

Таким образом можно констатировать, что после крушения коммунистической системы и развала Советского Союза на территории России сложилось, как отметил один из западных политологов, «слабое государство и слабое общество» (2). В его развитии уже с начала 90-х годов стали явственно проявляться две основные тенденции:

- Формирования в российском обществе стремления к самостоятельности, самоорганизации. Формирование как в центре, так и в регионах всевозможных групп и организаций, выражающих те или иные определенные интересы, корпораций профессионального характера, промышленного и финансового лобби, национальных движений, религиозных союзов. Все они являются проявления общественной активности, которая опирается на вновь созданный но уже достаточно прочный социальный фундамент;
- Сохранение при этом тяги к сильному государству. Часть общества по-прежнему видит в авторитарном типе государственного управления предпосылку к защите порядка и безопасности в стране.

Таким образом, большинство людей было искренне убеждено в том, что существует только одна истина, которой и должны служить политика, философия, религия и т.д. Политическое мышление строилось на принципах «или - или», «свой - чужой», «друг - враг».

Реальность и осознание раскола присутствуют в российском обществе по сей день, определяя и формируя его политический дискурс.

Поэтому неудивительно, что даже после краха советской системы в институциональном плане Россия представляет собой, по мнению некоторых западных политологов, «*tabula rasa*». (3)

Все вышесказанное относится и к проблеме территориального устройства России. Естественно, что после распада единого государства, которое долгое время фактически являлось единым централизованным конгломератом, возникла проблема формирования самостоятельных региональных элит и тенденций к сепаратизму. Однако, эти тенденции к региональной самостоятельности не находили поддержки у большинства населения. Для многих россиян на первый план политической рефлексии выходили распад огромной советской империи и неизбежно связанные с этим самоограничения. Это объясняется, в первую очередь, тем, что на протяжении долгого времени национальное самосознание русских опиралось прежде всего на идею империи, мощного государства, а вовсе не на собственный этнос. В 1897 году русские составляли только 44,3 % населения Российской империи, а в 1989 году - лишь 50,8 % населения Советского Союза (4). С периода средневековья история России представляла собой непрерывный процесс формирования мультиэтнической империи на евроазиатском пространстве.

Впрочем, и сейчас вряд ли можно считать эти традиции окончательно канувшими в Лету. Поэтому - то последствия распада СССР по-прежнему оказывают существенное воздействие на политический процесс в стране. С полной уверенностью можно констатировать лишь тот факт, что крушение Советской империи коренным образом преобразило политическое поле и оказало глубокое воздействие на менталитет россиян. Прервалась тенденция в российской истории, появившаяся еще в XIV веке с образованием Великого Московского княжества, суть которой заключалась в непрерывной территориальной экспансии, когда этнические границы, равно как и культурные, практически не играли никакой роли.

Распад Советского Союза поставил точку в процессе крушения всех многонациональных империй, когда-либо существовавших в европейской истории. На повестке дня встал вопрос, хочет ли и может ли Россия превратиться в подлинно национальное государство. Ведь только в этом случае Россия сможет стать полноправным партнером в процессе объективно развивающейся интеграции, независимо от того, будет ли это происходить в масштабе всей Европы, или же речь пойдет об особой восточноевропейской ин-

теграции, где Россия, в силу ее политического и экономического веса, могла бы занять центральное место.

При этом довод, ставящий под сомнение превращение Российской Федерации в национальное государство, поскольку на ее территории проживает значительное число нерусских народов, представляется весьма неубедительным. Доля русских среди населения России составила после распада СССР уже 81,5 % (5). К тому же, происходит непрерывный приток представителей русского этноса с территорий стран «ближнего зарубежья». Поэтому в сравнение со многими бывшими советскими республиками Россия с точки зрения национального состава является более гомогенным государством. Никогда еще в период новой и новейшей истории русский этнос не занимал такого большого удельного веса среди населения собственной страны. Даже при Петре I в 1719 году русские составляли только 70 % населения (6).

Однако гомогенность сама по себе не является еще ни предпосылкой, ни целью национального государства. Оно должно в полном объеме, без каких-либо ограничений признавать, уважать и защищать права национальных меньшинств. Готовность и способность к этому является важнейшим признаком демократического характера любого национального государства. Национальное государство не должно представлять собой этнократию. И России, обладающей многовековым опытом совместного проживания многих народов на единой территории, вполне по силам, на наш взгляд, найти оптимальную модель автономий, максимально обеспечивающую права и интересы нерусских народов.

Вместе с тем, специфика современной политической ситуации в России такова, что процесс формирования русского национального государства наталкивается на вполне ощутимые препятствия. Определенные политические силы в стране так и не смирились с крушением империи. Распад Советского Союза они рассматривают как историческую ошибку, которая должна быть рано или поздно исправлена. Россия, с их точки зрения, является не обычным государством, как и все остальные, а великой державой, господствующей на евроазиатском пространстве. В настоящий момент вследствие отделения ряда территорий она существенно ослабела, однако вскоре наберет силы и вновь займет исторически подобающее ей место в системе международных отношений.

Бытующие среди представителей различных политических движений представления о том, каким образом, когда и в каком объеме должна быть восстановлена империя, существенно отличаются друг от друга. Та крайне малочисленная часть представителей ком-

мунистического движения, которая настроена наиболее ортодоксально и догматически, верит в возможность реставрации Советского Союза в прежнем виде. Эту экстремистскую по своей сути точку зрения можно нередко встретить на страницах соответствующей прессы.

Более широко, в том числе и в органах законодательной власти, представлены сторонники идеи расширения границ Российской Федерации. Она аргументируется тем, что установление российских границ, происходившее еще в период сталинизма, носило случайный, исторически необоснованный характер, в результате чего более 25 миллионов русских вообще оказались за пределами страны.

Столь же широко распространена и точка зрения, в соответствии с которой Россия нуждается в новых политических инструментах и институтах, способных помочь ей вновь обрести статус великой державы. Важная роль в этом ряду отводится Союзу Независимых Государств. Уже в 1992 году Комитет по иностранным делам Верховного Совета Российской Федерации сформулировал новую внешнеполитическую доктрину, касающуюся стран «ближнего зарубежья». В этом российском аналоге «доктрины Монро» все геополитическое пространство бывшего СССР объявлялось «сферой жизненно важных интересов Российской Федерации», а мировому сообществу предлагалось признать роль России в качестве политического и военного гаранта стабильности на всей территории бывшего Советского Союза. Взгляд на Россию как сверхдержаву характерен не только для радикальных националистов и коммунистов, но даже и для части представителей демократического лагеря. Российское демократическое движение постепенно восприняло идею национального обновления России, которая существенно потеснила признание за другими народами права на самоопределение и независимость. Коммунизм стал рассматриваться как общий враг всех народов, а демократия - как единая для всех цель. Многих антикоммунистов ностальгия по империи охватила сразу же после развала СССР. А с 1992 года демократические силы в России начали прочно утверждаться на охранительно - имперских позициях. В свете вышесказанного четко просматривается особенность политической ситуации в России в посткоммунистический период, существенно отличающая ее от других стран. Она заключается в том, что российские националисты фактически выступают против национального государства! При этом они считают себя исполнителями великой исторической миссии. Их приверженность к имперскому ревизионизму зиждется на твердой уверенности в том, что другие народы бывшего СССР не в состоянии ни построить эконо-

мически жизнеспособные государства, ни обеспечить политическую стабильность и военную безопасность на евроазиатском пространстве. В результате стремление к возрождению империи приобретает форму альтруистической по характеру доктрины, в которой, на первый взгляд, выражается прежде всего стремление взять на себя заботу о некогда братских народах. Однако исторический опыт Европы конца XIX - начала XX века убедительно доказывает, что националисты чаще всего сами способствовали распаду многонациональных государств. Применительно же к современному периоду можно отметить, что вряд ли можно одновременно выражать русскую национальную идею и стремиться к воссозданию мультинациональной империи. Такая позиция ведет к обострению отношений с радикально настроенными национальными политическими силами в странах «ближнего зарубежья» и, в отличие от идеи признания статус-кво как исходного пункта для выработки новой модели политического и экономического взаимодействия, отнюдь не способствует укреплению стабильности на территории бывшего СССР.

В образовавшиеся на идеологическом пространстве России ниши начали вновь активно внедряться гонимые и преследуемые в советское время идеи. Российские интеллектуалы стали решительно осваивать идейное наследие периода царизма. Однако теперь эти идеи возвращались в страну в модернизированном виде и, в контексте посткоммунистической ситуации, приобретали новое звучание.

Развернувшаяся в России дискуссия в целом напоминала дебаты между западниками и славянофилами, бушевавшие в первой половине XIX века. Первые требовали немедленного возвращения страны в русло европейской цивилизации, вторые - упорно отстаивали идею самобытности России и неприемлемости механического заимствования опыта Запада. Постепенно на основе этих принципиальных позиций в России сложились идейно-политические течения, которые и сегодня в значительной степени определяют ситуацию в сфере идеологии.

С традициями славянофильства тесно связан консервативно-националистический фундаментализм. Эта концепция идеализирует дореволюционную Россию, в том числе и такие ее черты, как деспотизм, имперскую политику, угнетение неславянских народов. Фундаменталисты отстаивают идеи «особого пути» России, богоизбранности российского народа, призванного сыграть особую мессианскую роль в мировой истории. Они являются противниками политической демократии, оценивая ее как «демагогическую»,

«неорганичную», подрывающую моральные устои государственного устройства и способствующую установлению господства «медиакратии». Это течение резко отвергает идею демократических преобразований как в сфере политики, так и экономики. Ее рыночная форма характеризуется, например, как «импортированный с Запада продукт», чуждый российскому духу.

По ряду позиций к фундаментализму близко евразийство. Его представители тоже склонны проявлять имперское мышление, идеализировать царскую Россию, критиковать с точки зрения мировоззрения демократию и рыночную экономику. Вместе с тем, они несколько принижают роль и значение славянизма, распространяя функцию выразителя идеи государственности и на исламско-азиатский элемент. Модернизированное евразийство призывает к созданию единого фронта европейских и азиатских народов против США, стремящихся подчинить себе весь мир. В этом он близок также современному элитарно-консервативному антиамериканизму, весьма популярному в странах Западной Европы (7).

Со славянофильством связан и такой своеобразный феномен посткоммунистической России как национал-коммунизм. В нем эклектично и нелогично сочетаются идеи марксизма-ленинизма, ортодоксального православия и имперского мышления. Апологетические по своему характеру идейные конструкции национал-коммунизма привлекают к себе внимание широких слоев населения России, которые не освободились до конца от догм марксизма-ленинизма либо не нашли им достойной с их точки зрения альтернативы. Тем самым они препятствуют распространению демократических идей в российском обществе.

Всем трем течениям противостоит демократический либерализм, уходящий корнями в «западничество». Его сторонники считают демократию и рыночную экономику единственно возможным для России путем развития. Либералы развенчивают миф об «особом русском пути», критически оценивают историческое прошлое страны и борются против пережитков тоталитаризма в политике и сознании россиян. Именно демократический либерализм являет собой главный идейно-теоретический фундамент проводимых в России с начала 90-х годов политических и экономических реформ.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что сущность, смысл, своеобразие и специфика политической ситуации, сложившейся в России после распада Советского Союза, выражается, прежде всего, в противостоянии интеграционной и изоляционистской моделей общественного развития, каж-

дая из которых предполагает различные варианты, которые существенно отличаются друг от друга.

Советско-коммунистическая разновидность интеграционной модели предусматривает реставрацию СССР с его псевдофедеративным устройством. СНГ предполагается распустить, заменив его «обновленным» союзом «советских народов». Протагонистами обновленного союза выступают не только различные политические силы коммунистического и социалистического толка, но и бывший президент СССР М.С. Горбачев.

Реставрационно-националистический вариант интеграционной модели тоже предусматривает восстановление российского государства имперского типа. Его поддерживают не только националистически настроенные группировки, но и часть центристских сил.

Наконец, прагматично-интеграционная модель предполагает экономическую интеграцию в форме федерации или конфедерации. Ее разделяют часть центристски настроенных политиков, а также многие представители деловых и военных кругов. Этот вариант предусматривает экономическое и военное доминирование, политическую гегемонию России над странами СНГ, при сохранении ими формального суверенитета (по образцу Варшавского Договора).

Изоляционистская модель тоже существует в нескольких вариантах. Первый из них, изоляционистско-прагматический, исходит из того, что Центральная Азия не так уж важна с точки зрения интересов России на геополитическом пространстве бывшего Советского Союза, однако она представляет собой потенциальный источник угрозы для российской безопасности. По мнению Солженицына и других adeптов этой модели, Россия в свое время совершила историческую ошибку, придя в Центральную Азию и на Кавказ, а сейчас пришло время ее исправить. Постепенный уход России из этих регионов как минимум обеспечит огромную экономию сил и средств, столь необходимых сегодня стране. Другой вариант существует в форме изоляционистско-националистической модели, предусматривающей построение национального государства этнических русских. Поддерживающие ее консервативно-традиционалистские и националистические политические силы рассматривают данный вариант как средство противодействия евразийству, который, по их мнению, ведет к разрушению России.

-
1. Комлева Н.А., Миронов Д.А. Основы политологии. Екатеринбург, 1998, с.27-28. 1.

2. Simon G. Ruckkehr der Geschichte: Elemente der politischen Kultur in RuBland//Zwischen Krise und Konsolidierung.Gefahrdeter Systemwechsel im Osten Europas.Bundesinstitut fiir ostwissenschaftliche und internationale Studien.Jahrbuch 1994/95. Munchen, 1995,8.32.
3. Simon G. Ruckkehr der Geschichte, S.38.
4. Kappeler A. RuBland als Vielvolkerreich, Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munchen, 1992, S.323.
5. Simon G. Von der Einparteiendiktatur zum Nationalstaat// Aufbruch im Osten Europas.Chancen fur Demokratie und Marktwirtschaft nach dem Zerfall des Kommunismus. Bundesinstitut fur ostwissenschaftliche und Internationale Studien.Jahrbuch 1992/93. Munchen, 1993,S.25.
6. Simon G. Von der Einparteiendiktatur zum Nationalstaat, S.2.
- 7 Ignatow A. Geistiges Vakuum und neue Ideologien in RuBland// Aufbruch im Osten Europas, S. 51 -52.